

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

БЛОГ-ПОСТЫ НА ТЕМУ ПОЛИТИКИ РАЗРЯДКИ

Штефан Миллер
декабрь 2022

Эта статья - краткий обзор социал-демократической политики разрядки, которую также называют «Новой восточной политикой» Вилли Брандта и Эгона Бара или политикой детанта. Автор подчеркивает ее различия с курсом в отношении России после 1991 года.

Обращение к опыту детанта, предпосылкой которого была угроза глобального уничтожения параллельная попыткам сверхдержав взять под контроль расходы на вооружение и предотвратить прямую войну друг против друга, сегодня как нельзя более актуально.

Политику разрядки, нацеленную на долгосрочную перспективу, надо рассматривать в контексте постепенного отхода от основ марксизма-ленинизма, происходившего в СССР на протяжении десятилетий.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ПОЛИТИКИ РАЗРЯДКИ, ЧАСТЬ 1	3
Исторический контекст дискуссии	3
Стратегия мира	4
Изменение через сближение	4
ИСТОРИЯ ПОЛИТИКИ РАЗРЯДКИ, ЧАСТЬ 2	6
Восточные договоры	6
Изменения через торговлю	7
Социал-демократическая «параллельная внешняя политика» (1980-е годы)	8
ИСТОРИЯ ПОЛИТИКИ РАЗРЯДКИ, ЧАСТЬ 3	9
Современность	10
Выводы	11

[Блог-пост № 1, 9.12.22]

ИСТОРИЯ ПОЛИТИКИ РАЗРЯДКИ, ЧАСТЬ 1

Штефан Миллер

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ДИСКУССИИ

В дискуссиях о нападении России на Украину 24 февраля постоянно встречаются отсылки к истории. Владимир Путин оправдывает войну при помощи исторических аргументов, но и в Германии история играет важную роль, когда речь заходит о причинах войны. Как долго авторитарное развитие России оставалось незамеченным? Были ли диалог и экономическое сотрудничество ошибочными инструментами взаимодействия с Россией?

Критика, в первую очередь, направлена на представителей социал-демократии, так как диалог и экономическое сотрудничество с Россией считаются продолжением исторической политики разрядки Эгона Бара и Вилли Брандта. Выдвигаются аргументы о том, что права человека были вынесены за скобки в интересах мира, а диалог и экономическое сотрудничество налаживались с целью умиротворения диктатора. Отсылки к исторической политике разрядки встречаются с 1990-х годов не только среди критиков стратегии, выбранной социал-демократами в отношении России. Многие из тех, кто сегодня призывает к переговорам и критикует поставки оружия, также положительно отзываются о Вилли Брандте и Эгоне Баре.

По этой причине мы решили подробно разобрать положения «Новой восточной политики» Вилли Брандта и Эгона Бара в трёх блог-постах и выявить различия с современным положением дел. После публикации третьего блог-поста будет запущен наш сайт «История политики разрядки», на

котором мы планируем выкладывать различные цифровые источники, графические временные линейки, фотогалереи, а также интервью и тексты экспертов и политиков, сопровождающие дискуссию об актуальных событиях.

Два предварительных тезиса:

Нижеследующий (очень краткий) исторический обзор социал-демократической политики разрядки направлен на то, чтобы выявить ее различия с политикой в отношении России после 1991 года. В основе данного обзора лежат два тезиса:

1. Социал-демократическая политика разрядки / восточная политика до 1989 года проводилась в условиях ядерной угрозы и глобальной разрядки. Одна из предпосылок политического курса Брандта и Бара заключалась в том, что потенциальная угроза глобального уничтожения существовала параллельно с желанием сверхдержав взять под контроль расходы на вооружение и предотвратить прямую войну друг против друга. Разрядка и ядерная угроза были двумя сторонами одной медали.
2. В центре социал-демократической политики разрядки находилась Германия: речь шла об облегчении жизненных обстоятельств людей, проживающих в другой части Германии, и в долгосрочной перспективе, о нахождении альтернативного пути к объединению Германии. Без всякого сомнения, социал-демократы всегда выступали за европейский миропорядок. Однако «Новая восточная политика» правительства Вилли Брандта была нацелена на ГДР и Берлин.

СТРАТЕГИЯ МИРА

Фото 1

Визит американского президента Джона Ф. Кеннеди в Берлин, 26.6.1963.

Источник: Архив социальной демократии, 6/FOTA069625
Права: Архив социальной демократии

Эгон Бар и Вилли Брандт взяли за основу разработанную президентом США Джоном Ф. Кеннеди «Стратегию мира». Летом 1963 года Кеннеди сформулировал цель переговоров по разоружению с СССР и высказался за мирное сосуществование систем. В своём Выступлении в Американском университете 10 июня 1963 года он сказал, что США и СССР (а также их союзники) не должны любить друг друга, требуется только, «чтобы они жили вместе в обстановке взаимной терпимости, решая свои разногласия справедливым и мирным путём». Обе стороны «взаимно глубоко заинтересованы в справедливом и подлинном мире и прекращении гонки вооружений».

Исходная позиция была такова, что на вооружении у каждой из сторон стояло столько боеголовок, что в случае развязывания войны одной из сторон неизбежным было её полное уничтожение или, по крайней мере, огромные потери. «Кто выстрелит первым, тот умрёт вторым» - эта формула были известна всем. Идея наращивания объёмов ядерного оружия изначально возникла из стремления сократить экономические расходы на содержание огромных конвенциональных армий. Однако со временем расходы на ядерное оружие также превратились в тяжёлое бремя. СССР уже в 1950-е годы начал настаивать на создании своего рода общеевропейской архитектуры безопасности. Позиция США изменилась в 1963 году после двух кризисов, в результате которых опасность на-

чала войны значительно выросла: строительства Берлинской стены в 1961 году и, прежде всего, Карибского кризиса 1962 года.

«Стратегия мира» привела к «Переговорам об ограничении стратегических вооружений» (ОСВ-I) в конце 1969 года, по результатам которых в мае 1972 года был подписан «Договор по ПРО» (Договор об ограничении систем противоракетной обороны). В договоре ОСВ-I обе стороны отказались от создания новых межконтинентальных баллистических ракет и новых ядерных вооружений морского базирования.

При этом важно подчеркнуть следующее: стратегия мира касалась взаимоотношений обеих сверхдержав и их непосредственных союзников и была направлена на то, чтобы избежать прямого конвенционального или ядерного вооружённого столкновения. Она не предотвратила активных войн чужими руками «на периферии» - например, во Вьетнаме (развязанной США) или в Афганистане (развязанной СССР).

ИЗМЕНЕНИЕ ЧЕРЕЗ СБЛИЖЕНИЕ

Фото 2

Политический руководитель Евангелической академии в Тутцинге Роланд-Фридрих Месснер с Эгоном Баром, 1963 г.

Источник: Архив социальной демократии, 6/FOTA169455; Права: NN

Примерно через месяц после выступления Кеннеди, 15 июля 1963 года, Эгон Бар представил концепцию „Изменения через сближение“ на мероприятии Евангелической академии в Тутцинге. Он открыто сослался на выступление Кеннеди, однако поместил в центр своих рассуждений проблему разделения Германии. Бар критиковал, что свободные выборы на востоке

до сих пор рассматривались как предпосылка для начала переговоров, другими словами, на востоке должен был начаться процесс демократизации. Бар характеризовал это процесс как политика «все или ничего». С современной перспективы эта позиция может показаться странной, однако она была широко распространена в 1950-е годы. За ней стояла идея того, что объединённая Германия могла бы стать политически и военно-нейтральной страной по модели Австрии. В 1950-е годы Советский Союз неоднократно выступал с инициативами в данном направлении, однако их не поддержали ни режим СЕПГ (из страха), ни правительство Аденауэра (из-за стремления войти в состав Европейского сообщества и НАТО).

Подавление восстания в ГДР 17 июня 1953 года и восстания в Венгрии в 1956 году советскими войсками лишний раз доказали Бару и Брандту, что свержение режима СЕПГ изнутри невозможно. Строительство Берлинской стены в 1961 году укрепило разделение Германии и осложнило жизнь в разделённом городе. Эгон Бар рассуждал следующим образом: если хочешь изменить статус-кво, то есть разделение Германии, необходимо сначала признать его в качестве основы собственной политики.

Опыт показывал, что любая попытка давления изнутри или снаружи лишь укрепляла позиции сталинской системы в ГДР. Вместо этого Эгон Бар предлагал «двигаться по узкой тропинке облегчения жизни людей такими гомеопатическими дозами, чтобы за счёт этого не возникало угрозы революционного переворота, что автоматически исключило бы возможность советского вмешательства из советских интересов». Идея заключалась не в том, чтобы разом покончить с коммунистической властью, а в том, чтобы её изменить. В качестве ближайшей цели Бар, прежде всего, видел «ослабление пограничного режима».

Таким образом, политика «Изменение через сближение» подразумевала, что «Запад» откажется от вмешательства во внутреннюю политику коммунистических государств (не говоря уж о вооружённом конфликте) в такой форме, что вторая сторона поверит в серьёзность его намерений. Политика сближения была направлена на коммунистические элиты: у них, таким образом, появлялось пространство для манёвра – постепенного реформирования внутреннего общественного строя. Политика «сближения» была направлена на «изменения» в сфере коммунистического влияния с целью облегчить

людям жизнь. В политике «Изменение через сближение», в то же время, было открыто сформулировано намерение двигаться в сторону европейской интеграции и членства в НАТО. Ни на востоке, ни на западе не должно было возникнуть сомнений по поводу того, на какой стороне находилась Федеративная республика. С данной точки зрения, рассуждения Брандта и Бара были в новинку не только для политического ландшафта Федеративной республики 1963 года, но и для их собственной партии, в которой предстояло провести разъяснительную работу.

[Блог-пост № 2, 14.12.2022]

ИСТОРИЯ ПОЛИТИКИ РАЗРЯДКИ, ЧАСТЬ 2

Штефан Миллер

ВОСТОЧНЫЕ ДОГОВОРЫ

Фото 3

Вилли Брандт, Алексей Косыгин (Председатель Совета министров СССР), Леонид Брежнев (Генеральный секретарь ЦК КПСС) и Эгон Бар на подписании договора, Москва, 12.8.1970.

Источник: Архив социальной демократии, 6/FJHD015121;
Права: J. H. Darchingер/Фонд Фридриха Эберта.

Ключевым элементом политики разрядки, проводимой правительством Вилли Брандта, стали так называемые «Восточные договоры», заключённые в период с 1970 по 1973 годы: Московский договор (12 августа 1970 года), Варшавский договор (7 декабря 1970 года), Четырёхстороннее соглашение по Берлину (3 сентября 1971 года), Основополагающий договор между ГДР и ФРГ (21 декабря 1972 года), другие договоры с ГДР и, наконец, Пражский договор (11 декабря 1973 года). В соглашениях с Советским Союзом и Польшей стороны, во-первых, взяли на себя обоюдные обязательства по неприменению силы. Во-вторых, ФРГ признала линию Одер-Нейсе в качестве западной границы Польши, признала государственную границу между ФРГ и ГДР, а также навсегда отказалась от территориальных притязаний на востоке. В Пражском договоре ФРГ признала недействительным Мюнхенское соглашение 1938 года, согласно которому Чехословакия под угрозой применения силы уступила национал-социалистической Германии Судетскую область.

«Отказ» от Силезии, Померании и Восточной Пруссии, а также реалистическое признание ГДР в заключённых договорах подверглись яростным нападкам со стороны западногерманских консерваторов. ХДС и ХСС, по-прежнему, говорили о Германии в границах 1937 года, то есть считали немецкими как территории, отошедшие к Польше после 1945 года, так и ГДР. Однако через 25 лет после завершения войны подобные требования воспринимались исключительно как идеологическая позиция, которая приводила к политической недееспособности. Именно из этого тупика СДПГ и вступившая с ней в коалицию СвДП и хотели выбраться.

Параллельно с переговорами с Москвой и Варшавой велись также переговоры о статусе Западного Берлина. После войны Берлин был разделён на зоны, подконтрольные всем 4 странам-союзницам, хотя факт признания Советским союзом ГДР и Восточного Берлина в качестве её столицы уже давно поставил точку в этом вопросе. Споры велись только о статусе Западного Берлина. Советский Союз рассматривал Западный Берлин как «самостоятельную политическую единицу» без особой привязки к ФРГ и после первой блокады 1948 года неоднократно угрожал отрезать город от окружающего мира. Контроль над транзитным сообщением (автомобильными дорогами из ФРГ в Западный Берлин, проходившими через территорию ГДР) являлся сильным рычагом давления в руках восточного блока. В Четырёхстороннем соглашении по Берлину от сентября 1971 года стороны договорились о том, что западные секторы Берлина не являются составной частью ФРГ и не находятся под её управлением, при этом сохраняют особые отношения с ФРГ. С этого момента статус города и вопросы доступа в Западный Берлин были урегулированы.

ХДС/ХСС, находившиеся в оппозиции, попытались сместить Федерального канцлера Вилли Брандта, чтобы предотвратить подписание «Вос-

точных договоров». После того как несколько депутатов из фракции СвДП, а также функционер СДПГ Герберт Хупка, известный как защитник немцев, изгнанных из соседних стран во время и после Второй мировой войны, перешли на сторону ХДС, консерваторы и социал-демократы в равной степени не сомневались в том, что инициированный вотум недоверия приведёт к смене правительства. Однако, к всеобщему удивлению, данная попытка провалилась, хотя сегодня уже официально известно, что имел место факт подкупа депутатов ХДС со стороны ГДР. В мае 1972 года Бундестаг ратифицировал договоры, а на ноябрьских выборах в Бундестаг СДПГ под руководством Вилли Брандта добилась самой убедительной победы за всю историю существования партии. (Доклад Бернда Ротера о вотуме недоверия, Берлин, 27.4.2022)

Благодаря «Восточным договорам» начали развиваться межобщественные отношения на разных уровнях. Жителям ФРГ и Западного Берлина стало проще посещать родственников в ГДР. Граждане ГДР получили возможность посещения Западной Германии, хотя и со значительными ограничениями. Положения «Восточных договоров» активно применялись в 1970-е гг.

ИЗМЕНЕНИЯ ЧЕРЕЗ ТОРГОВЛЮ

Фото 4
Вилли Брандт у окна отеля «Erfurter Hof» на саммите 19.3.1970.

Источник: Архив социальной демократии, 6/FJHD003647;
Права: J. H. Darchingner/Фонд Фридриха Эберта.

Экономические связи играли центральную роль в концепции политики «Изменение через сближение». По этому вопросу Эгон Бар также в открытой форме ссылается на Кеннеди и приводит аргумент о том, что «необходимо наладить торговые отношения со странами восточного блока в таком объёме, в каком это только возможно без создания угрозы нашей безопасности». Экономические отношения должны привести к возникновению тесных общественных связей и обеспечить более высокий уровень жизни в ГДР, что снимет давление с режима. Таким образом, отказ от применения силы, невмешательство и экономические отношения стали взаимодополняющими факторами.

В основу экономической части концепции «Изменение через сближение» была заложена политическая логика, в 1960-е годы преследования западногерманских экономических интересов не предполагалось. Хотя такие интересы и были, в первую очередь – в Восточном комитете немецкой экономики, они не влияли на политические решения. Федеральный союз немецкой промышленности лишь в конце 1960-х годов изъявил готовность к экономическим взаимоотношениям с Россией, что вовсе не обозначало симпатий по отношению к социально-либеральному правительству. Сделка века «газ – трубы» 1970 года стала вехой на этом пути. ФРГ осуществляла поставки труб большого диаметра в СССР в обмен на природный газ из Советского Союза.

Идея «изменения через торговлю» в отношениях со странами восточного блока имеет ряд различий по сравнению с экономическими отношениями с Россией после 1991 года. У Советского Союза был явно выраженный интерес к модернизации собственной экономики, что создавало необходимость торговли с Западом. Важная цель модернизации того времени заключалась в повышении уровня жизни широких слоёв населения, чтобы доказать превосходство социализма над капитализмом. Сегодня же экономика России представляет собой добывающую экономику. Торговля нефтью и природным газом служит для обогащения общественной элиты. Прибыль преимущественно оседает в карманах частных лиц, торговля природными ресурсами не связана с культурным, научным или технологическим обменом. В случае с торговыми отношениями России и Германии 1970-х годов речь, к тому же, шла о компенсационном или бартерном товарообмене. Другими словами, торговые отношения были сбалансированными, а экспорт, с экономической

и отчасти с технологической точек зрения, был тесно связан с импортом. В 1980-е годы импорт природного газа из Советского союза значительно вырос, однако в целом сделка с СССР играла лишь незначительную роль для внешнеторгового сектора Западной Германии.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ «ПАРАЛЛЕЛЬНАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА» (1980-Е ГОДЫ)

Фото 5

Отто Райнхольд, директор Академии общественных наук при ЦК СЕПГ, разговаривает с Эрхардом Эпплером, председателем Комиссии СДПГ по базовым ценностям, в Доме Эриха Олленхауэра в Бонне, 1987 год.

Источник: Архив социальной демократии; 6/FOTA015418; Права: NN

После смены правительства в 1982 году СДПГ пришлось искать новые ориентиры. Несмотря на местами резкий тон, правительство Гельмута Коля всё-таки продолжило политику разрядки и диалога, но это стало понятно далеко не сразу. В целях сохранения «Новой восточной политики» СДПГ начала налаживать самостоятельные отношения с коммунистическими партиями Восточной Европы. Консерваторы называли эту инициативу «параллельной внешней политикой», то есть политикой, которая реализовывалась параллельно с политикой правительства. Особенно интенсивный диалог вёлся с СЕПГ. В 1987 году он вылился в публикацию совместного документа «Спор идеологий и совместная безопасность». Обе стороны зафиксировали в этой резолюции готовность к мирному сосуществованию и мирной конкуренции систем. Никто не отрицал противоречий между общественными системами, но конфликты следовало разрешать в рамках комплексной архитектуры безопасности.

Особенность этой социал-демократической «параллельной внешней политики» после смены правительства в 1982 году заключалась в том, что акцент, по-прежнему, делался на коммунистических элитах и руководителях государств. В целом, сохранялся курс, положенный в основу политики «Изменение через сближение». В результате СДПГ избегало контактов с оппозиционными движениями – такими как «Хартия 77» (Чехословакия), «Солидарность» (Польша) или «Антивоенное и экологическое движение» (ГДР). Данный подход подвергался критике как в то время, так и в контексте современной дискуссии. Социал-демократов упрекают в недостаточной эмпатии, а также в приоритете вопросов мира и стабильности над вопросами прав человека. Однако этот очень широко сформулированный упрек не применим к основным положениям исходной политики, так как политика «Изменение через сближение» однозначно учитывала вопросы прав человека. Концепция была направлена на облегчение жизни людей в ГДР. Конечно, из сегодняшней перспективы можно задаться вопросом, не заострено ли концептуальное мышление в рамках «Новой восточной политики» в 1980-е годы и не нужно ли было более внимательно отнестись к рефлексии произошедшей смены ролей от правящей к оппозиционной партии. Теоретически в то время мог бы сработать подход ведения диалога как с властью имущими, так и с оппозицией.

Однако, чтобы лучше понимать политику социал-демократов в 1980-е годы, необходимо помнить, что в то время большинство жителей Западной Германии считали абсолютно нереалистичным сценарием революцию в ГДР и объединение Германии. Это подпитывало инициативы, направленные на диалог с элитами восточноевропейских стран, а также стимулировало «политику малых шагов».

[Блог-пост №3, 19.12.2022]

ИСТОРИЯ ПОЛИТИКИ РАЗРЯДКИ, ЧАСТЬ 3

Штефан Миллер

РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛИТИКИ РАЗРЯДКИ

Фото 6
Совещание по Безопасности и Сотрудничеству в Европе (СБСЕ) в Хельсинки. Гельмут Шмидт и Эрих Хонекер.

Источник: Архив социальной демократии, 6/FJHD000414; Права: NN

С 1989 года ведётся обсуждение вопроса о том, какую роль политика разрядки сыграла в распаде коммунистических государств и объединении Германии. В 1980-е годы начался новый виток гонки вооружений. Современники тех событий выдвигали аргумент, что именно гонкой вооружений США довели Советский Союз до экономического краха и распада (прежде всего, космической программой СОИ / «Стратегическая оборонная инициатива»). Политика же разрядки, напротив, придавала легитимность власти имущим восточного блока и помогала поддерживать жизнь в подвластных им системах. При этом без внимания остаётся тот факт, что политика правительства Коля в отношении Германии практически не отличалась от «Новой восточной политики» социал-демократов. Достаточно лишь вспомнить кредит в миллиардном размере, выданный ГДР в 1983 году по инициативе представителя ХСС Франца Йозефа Штраусса.

В качестве дополнительного аргумента против эффективности политики разрядки критики часто приводят тот факт, что в советских источни-

ках 1980-х годов не встречается вообще никаких упоминаний политики разрядки или «Восточных договоров». Вместо этого предметом обсуждения становятся катастрофическое экономическое положение или космическая военная программа США. Несомненно, актуальные события доминировали во внутривосточном дискурсе СССР 1980-х годов, поэтому неудивительно, что в нём практически не встречается отсылок к подписанному в августе 1970 года договору с Бонном. При этом представляется недальновидным связывать масштабные экономические проблемы Советского Союза исключительно с гонкой вооружений 1980-х годов. Уже в 1950-е годы в СССР началось обсуждение слишком высокой экономической нагрузки из-за расходов на оборонный сектор. То же самое касается и стремления к модернизации экономики, трансфера технологий и торговли с Западом. Масштабные реформы централизованной и бюрократизированной системы и вправду были проведены лишь при Михаиле Горбачёве в 1980-е годы – ещё 20–30 лет назад подобная попытка, безусловно, провалилась бы. Однако обсуждения кризисной ситуации в СССР начались ещё в 1950-е годы. Лаврентий Берия, возглавлявший КГБ при Сталине, сразу после смерти Сталина предложил порвать с ленинизмом. Марксизм-ленинизм и советская идеология начиная со Второй мировой войны постепенно теряли свою связующую силу и уступали место политическому прагматизму. Рассматривать инициативу США 1980-х годов по наращиванию вооружений как причину распада СССР было бы слишком поверхностно.

Процесс постепенного отхода от мировоззренческих основ марксизма-ленинизма происходил в Советском Союзе на протяжении нескольких десятилетий. После завершения Второй мировой войны речь уже не шла о том, что Советский Союз является вдохновителем и организатором мировой революции. Именно в контексте этого медленного процесса распада необходимо рассматривать политику разрядки, также нацеленную на долгосрочную перспективу. Реформы Гор-

бачёва, поставившие точку в процессе распада Советского Союза, не были навязаны (Западом) извне, хотя Запад и поддерживал происходящие изменения, проводя политику обмена и разрядки. Если бы Запад придерживался противоположного подхода (а именно это и стало ключевой предпосылкой Новой восточной политики), произошло бы сплочение советских элит и укрепление менталитета «осаждённой крепости». С этой точки зрения, большая заслуга политики разрядки заключается в том, что благодаря ей удалось поддержать дискуссию о необходимости реформ в восточноевропейских государствах, убедительно выступая с позиции собственных демократических ценностей.

СОВРЕМЕННОСТЬ

Фото 7

Эгон Бар (Директор Института исследований проблем мира Гамбургского университета), Дитер Дове (Руководитель Института исследований Фонда им. Фридриха Эберта) и Штефан Хильсберг (депутат Бундестага) на Конгрессе Фонда им. Фридриха Эберта на тему «Восточная политика СДПГ в период нахождения в оппозиции (1982-1989 гг.)», 14.09.1993.

Источник: Архив социальной демократии, 6/FOTA139538; Права: NN

Политика Германии в отношении России после 1991 года отличается от исторической политики разрядки Эгона Бара и Вилли Брандта. Изменились геополитические рамочные условия, но изменилась и сама «Восточная политика» Германии. С 1990-х годов Россия воспринималась уже не как геополитический противник, а как обычное капиталистическое государство, которому необходимо было наверстать упущенное с политической и экономической точек зрения. После «стабилизации» политической системы в России 2000х годов при Путине (произшедшей по сути за счёт всё более авторитарного подхода) в Министерстве иностранных дел была разработана концепция «Сближение через перепле-

тение» (Научные службы Бундестага Германии: Политика ЕС в отношении России, №. 58/06 от 30.11.2006). В данном случае успех Европейского Союза объясняется переплетением и постепенной гармонизацией интересов государств-членов ЕС, и эту модель предлагается закрепить в качестве основной в отношениях с Россией. Мысль заключалась в том, что привлекательность ЕС подтолкнёт его соседей к тому, чтобы сближать свои нормы и стандарты жизни с европейскими. Это соображение шло рука об руку с представлением о том, что современный капитализм может развиваться исключительно в рамках демократии.

С семантической точки зрения, прослеживается близость концепции «сближения через переплетение» с исторической «Восточной политикой» – и Франк-Вальтер Штайнмайер, на тот момент занимавший пост Министра иностранных дел, действовал именно в этой традиции. Однако – даже несмотря на предпосылку невмешательства во внутреннюю политику СССР и социалистических государств – политика «Изменение через сближение» была направлена непосредственно на общественные изменения в данных странах. В политике Германии в отношении России речь тоже шла о том, что Россия должна осуществить переход к демократическому правовому государству, однако в основе этой формулировки лежали, скорее, общие соображения теории модернизации. То, что модернизация экономики возможна исключительно за счёт развития демократии и живого гражданского общества, воспринималось как само собой разумеющееся, как автоматизм. При этом совершенно не учитывался вопрос о том, насколько у российских общественных элит вообще был серьёзный интерес к модернизации экономики. Ведь, возможно, их вполне устраивал сценарий, при котором огромные доходы из нефтегазовой отрасли оседали в карманах частных лиц.

Отождествление капиталистической модернизации и демократии привели также к тому, что аспекты безопасности оказались вынесенными за скобки. Если во времена исторической «Восточной политики» торговые отношения со странами с государственной экономикой заканчивались там, где начинались вопросы безопасности, сегодня ситуация выглядит иначе. Вопросы безопасности преимущественно рассматривались в контексте энергетической безопасности. При этом без внимания оставался вопрос, не может ли сама Россия в какой-то момент стать источником угрозы для энергетической безопасности.

ВЫВОДЫ

В современной дискуссии историческая «Восточная политика» несправедливым образом выстраивается в одну историческую линию с политикой Германии в отношении России последних 30 лет. Историческая политика разрядки была нацелена на улучшение германо-российских отношений (имея в качестве долгосрочной цели объединение Германии) и, с этой точки зрения, была политикой в области прав человека. Вилли Брандт, Эгон Бар и многие другие знали о наличии взаимозависимости между диалогом, который они стремились выстроить, и ядерной угрозой, от которой они пытались обезопасить себя, проводя политику интеграции с Западом. Положение дел, существовавшее на момент 1945 года (наличие двух противоборствующих блоков с диаметрально противоположными политически-экономическими системами), прекратило своё существование после 1989/1991 гг. Таким образом, цель исторической политики разрядки - добиться перемен в отношениях с противником - была оставлена после 1991 года.

Вне зависимости от оценки последних событий необходимо указать на данные различия. В противном случае существует опасность того, что цитаты из документов с описанием исторической «Восточной политики» и высказывания людей, ответственных за её реализацию, будут вырваны из исторического контекста и манипулятивно использованы в сегодняшней дискуссии. Разъяснение вышеупомянутых различий призвано внести вклад в уточнение понятийного аппарата и повышение аналитической составляющей современной дискуссии.

С момента публикации третьей части серии блогов на тему «История политики разрядки» публичный доступ к соответствующему сайту открыт. В ближайшее время мы планируем сопроводить обсуждение текущих событий историческими аргументами.

ОБ АВТОРЕ

Доктор Штефан Мюллер возглавляет отдел публичной истории в Фонде Фридриха Эберта и преподает современную и новейшую историю в Дуйсбург-Эссенском университете. Он занимается историей труда и недавно опубликовал исследование о контактах западногерманских профсоюзов с Восточной Европой в период с 1969 по 1989 год.

ВЫХОДНЫЕ ДАННЫЕ

© 2023

Friedrich-Ebert-Stiftung e.V. (FES)

Годесбергер Але 149, 53175 Бонн, Германия

www.russia.fes.de

E-mail: info@fes-russia.org

Ответственный за издание:

Отдел международного сотрудничества,
Российская программа Фонда им. Фридриха Эберта

Коммерческое использование материалов, изданных Фондом имени Фридриха Эберта (FES), без письменного согласия FES не разрешается. Мнения, высказываемые в данной публикации, могут не совпадать с позицией Фонда имени Фридриха Эберта.

АННОТАЦИЯ

У Советского Союза в 1960-70-е годы был выраженный интерес к модернизации собственной экономики, что создавало необходимость торговли с Западом. Важная цель модернизации того времени заключалась в повышении уровня жизни широких слоёв населения, которое стало бы доказательством превосходства социализма над капитализмом. Сегодня же экономика России представляет собой добывающую экономику, а торговля нефтью и природным газом служит для обогащения элиты.

Историческая политика разрядки была нацелена на улучшение германо-российских отношений (имея в качестве долгосрочной цели объединение Германии) и, с этой точки зрения, была политикой в области прав человека. Большая заслуга политики разрядки заключается в том, что благодаря ей удалось поддержать дискуссию о необходимости реформ в восточно-европейских государствах, убедительно выступая с позиции собственных демократических ценностей.

С 1990-х годов Россия воспринималась уже не как геополитический противник, а как обычное капиталистическое государство, которому необходимо наверстать упущенное с политической и экономической точек зрения. То, что модернизация экономики возможна исключительно за счёт развития демократии и живого гражданского общества, воспринималось как само собой разумеющееся. При этом совершенно не учитывалось, насколько серьёзным был интерес к модернизации экономики у российских элит.